

ОСОБЕННОСТИ РОМАНА Д. ТАРТТ «ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ» И ПОВЕСТИ А. ИВАНОВА «ОБЩАГА-НА-КРОВИ»

П. В. Романова

*УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка», г. Минск*

*Научный руководитель – Т. Н. Тарасова
доктор филологических наук, профессор*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы нравственной и социальной проблематики романа Донны Тартт «Тайная история» и повести Алексея Иванова «Общага-на-Крови», идейной направленности произведений, их образной системы и отдельных элементов поэтики. Отмечается символично-метафорическая схожесть произведений: жизнь кампуса/общежития есть метафора человеческого существования. Кампус/общежитие становится микромоделью мира, обитатели которого размышляют об экзистенциальных вопросах бытия, ищут свой жизненный и духовный путь, обретают и отвергают авторитеты, умирают и возрождаются.

Ключевые слова: Д. Тартт; А. Иванов; хронотоп; бытие; метафора; кампус/общежитие.

Роман американской писательницы Донны Тартт «Тайная история» и повесть российского художника слова Алексея Иванова «Общага-на-Крови» объединяет единый предмет изображения, а именно студенческая жизнь.

В «Тайной истории» Д. Тартт безусловное влияние на студенческую группу оказывает профессор древнегреческого языка и культуры Джулиан Морроу, облик которого ассоциируется с античными образцами искусства: «Джулиан удивленно приподнял бровь. Длинный тонкий нос придавал его профилю сходство с этрусским барельефом» [4, с. 52]. Джулиан достаточно внимателен к своим студентам, он набирает небольшие группы, проводя с каждым личную беседу. Профессор требователен, но в то же время терпелив, с уважением относится к их знакам внимания. В его кабинете на стене студенты видят японскую гравюру, которую когда-то преподнес профессору Банни, один из его учащихся и главных героев романа. И хотя тот утверждал, что «этой штуке две сотни лет», Ричард (рассказчик из романа) видел, как Банни кропотливо вырезал её из книги в библиотеке [4, с. 126]. Вряд ли профессор не понимает истинной ценности подарка, но поскольку он обладает тактом и снисходительностью, гравюра продолжает висеть в кабинете даже после отъезда преподавателя, Джулиана Морроу.

Стремление Джулиана Морроу увлечь студентов в «область высокого» вполне соответствует как целям колледжа, так и творимой профессором сознательной установки на исключительность, на высокую духовность. Преподаватель классической филологии представлен Донной Тартт как жрец некоего тайного культа, открытого немногим обожающим его приверженцам. Писательница, как отмечает литературовед О. Ю. Анцыферова, обращаясь к привычной для университетского романа ситуации преклонения студентов перед своим преподавателем, исследует самую мрачную сторону этого обожания: очарованность педагогом, желание продолжить его исследование самостоятельно, экстраполировать это на реальную жизнь заставляют учеников преступить грань добра и зла [1].

Знакомство с повестью Алексея Иванова убеждает в том, что жизнь/существование в общежитии – это не легкость бытия, беззаботность и свобода. Общежитие живет по своим правилам, нарушение которых может стоить жизни. Слово комендантши общежития есть закон, и за любую провинность студента могут ночью выставить с вещами на улицу, и никого не интересует, куда он пойдет ночевать. А самое страшное: ни одному соседу не интересно, что происходит у тебя в душе, какие сомнения одолевают и над какими жизненными вопросами ты мучительно размышляешь. Общежитие может только опошлить, втоптать в грязь самые чистые человеческие чувства: любовь, преданность, дружбу, сострадание.

Дебютные произведения Д. Тартт и А. Иванова объединены общей проблематикой. Персонажей тревожат философские вопросы бытия, вопросы индивидуального и социального выбора, ценностные приоритеты. Произведения писателей связывает и схожая образная система. В них изображена жизнь небольшой группы студентов с особой спецификой взаимоотношений.

Персонажи романа Донны Тартт – молодые люди, посвятившие себя классической филологии, т.е. уже имеющие некоторое представление о древних греках и римлянах. Ричард Пэйпен, прибывая в Хэмпден-колледж, делает всё возможное, чтобы попасть в закрытую элитную группу из пяти студентов. Став членом этого сообщества избранных, Пэйпен остается в нём не до конца своим, сторонним человеком и хочет постичь некую тайну, объединившую его сокурсников. Тайна эта, как оказывается, связана с коллективным преступлением – немотивированным убийством фермера, которое повлекло за собой сознательное убийство одного из студентов группы, не связанного с остальными пролитой кровью и пытавшегося шантажировать своих друзей.

Неслучайность всего происшедшего раскрывается на страницах романа благодаря обнажению его философских основ. Профессор Джулиан является тем, кто представляет идею вечной жизни через разум. Он завораживающе говорит о необузданных эмоциях, варварстве, мраке и что «в красоте заключен ужас». «Всё, что мы называем прекрасным, заставляет нас содрогаться», и что

необходимо «всецело утратить власть над собой» и «быть абсолютно свободным» [4, с. 53].

В повести А. Иванова «Общага-на-Крови» монологи героев о смысле жизни, любви, творческих исканиях довольно тяжеловесные, неестественные и скупые на выводы. Лишь в исключительных случаях молодые люди двадцатилетнего возраста могут так мыслить, а тем более говорить такими претенциозными фразами. Скорее всего, автор сознательно вкладывает в уста своих персонажей столь неестественные для них слова, чтобы подчеркнуть пропасть между их истинными мыслями, мечтами и настоящими желаниями, поступками. Все герои книги, обсуждая высокие темы, говорят возвышенно и литературно правильно, но их действия сильно расходятся со сказанным.

Следует отметить, что это произведение А. Иванова представляет собой серьезное размышление о смысле жизни человека, «заброшенного в мир страха и боли», вынужденного решать глубоко экзистенциальные проблемы индивидуального существования.

В конце повести умирает Отличник, вскрывший себе вены. Так герой стремился обрести подлинное бытие. Потусторонний мир в произведении также имеет форму «общего жития» как неизбежного принципа всякого существования. Именно в момент ухода в мир иной Отличник слышит то, что едва ли услышал бы в реальной жизни – «грохот прибоя на далеком острове Тенерифа» [2]. Обретение лучшего существования происходит также в пограничной ситуации Жизни и Смерти, позволяющей пересечь вещно-материальный мир. Ванька, найдя спасение в алкоголе, становится пьяницей: «От радости я пью, потому что каждый день – праздник! Вы говорите, что это прожигание жизни, но как выразить-то ещё, что делать?» [2]. Эти эпизоды из повести демонстрируют обретение «экзистенции» посредством смерти: все герои, так или иначе, ощущают «зов бытия», определяющий логику их действий.

В сюжетной линии повести просматривается парадигма, представленная попытками персонажей преодолеть наличествующее бытие. Парадокс состоит в том, что Отличник, умерев, оказался сильнее своих друзей, поскольку сумел преодолеть телесное бытие, перейдя на иной уровень мироздания. Вместе с тем, образ Отличника в повести «размыт», поскольку он не способен противостоять существующему миропорядку, а значит – обречён на смерть.

Роман «Тайная история» Донны Тартт и повесть «Общага-на-Крови» Алексея Иванова объединены схожей символикой: жизнь кампуса и общежития становится метафорой всего человеческого существования.

Создавая свой вариант жанра университетского романа, Донна Тартт извлекает максимум из традиционной замкнутости жанрового хронотопа. Она сжимает его до определенных пределов и, согласно своим знаниям по классической филологии, делает его почвой преступления. Внутри замкнутого университетского микрокосма писательница моделирует ещё более закрытую

ячейку – группу из шести студентов-классиков, которых объединят и накрепко свяжут не только совместное изучение античной литературы и преклонение перед её преподавателем Джулианом Морроу, но и совместно совершенное преступление (по сути – групповое убийство), почвой для которого станет погружение в античную культуру. Литературовед О. Ю. Анцыферова в этом видит попытку испытать на себе доступные античному человеку средства приобщения к божеству или «древние способы расширения сознания» [1].

В книге Донны Тартт «Тайная история» рассказчик Ричард Пэйпен был очарован кампусом Хэмпдена ещё до того, как увидел его воочию: через брошюру колледжа. Ричард, девятнадцатилетний парень из Плано, переполнен фантазиями о побеге из своего довольно мрачного окружения. Ричард признаётся, что в выпускном классе средней школы потратил десятки часов на изучение каталога колледжа: «В тот год я изучал фотографии Хэмпдена часами, словно надеясь, что если буду смотреть на них долго и пристально, то благодаря некоему осмотическому процессу проникну в их ясную, ничем не нарушаемую тишину» [4, с. 18]. Герой подаёт документы на поступление в этот колледж, несмотря на своё плохое финансовое положение и неодобрение родителей. Стать частью Хэмпдена означает для Ричарда нечто большее, чем просто сбежать от скучного существования своих родителей. Он хотел создать из себя новую личность, свой собственный дом, как у Джея Гэтсби, с которым, как он чувствует, есть «некое трагическое сходство» [4, с. 86]. Мечты Ричарда о новой личности неразрывно связаны с посещением университета. Можно было бы предположить, что его ожидания совпадают с ожиданиями целой нации, поскольку в американском сознании поступление в университет было связано с процессом демократизации общества. Однако Ричард тоскует по закрытому, элитарному, старомодному кампусу.

Колледж, где разворачивается действие романа, описан как картинка из любимой детской книжки: «Залитые солнцем луга, расплывчатые очертания окутанных дымкой гор, толстый ковёр листвы на ветреной осенней дороге. Праздничные костры и стелющийся в долинах туман, изгибы виолончелей, тёмные окна, снег» [4, с. 18], а также «башня с часами на здании Палаты общин: увитые плющом кирпичи и белый шпиль, застывший в зачарованной дымчатой выси» [4, с. 21]. И Ричард думает, «что оказался в какой-то волшебной стране» [4, с. 20].

Систему персонажей повести Алексея Иванова определяет хронотоп «Общаги-на-Крови» как модель действительности: здесь представлено «возвышенное и земное», мечта и реальность. Пространство, пронизанное смертью, разрушающей жизнь, приобретает парадоксальные очертания: уничтожая героев, общага одновременно и создает их: «Спасть тут только совестью можно. Ложь – это ведь главная защита человека. Если её отнимают, поневоле психовать начинаешь. Из-за нервозности здесь... ну... сила духовной

жизни, что ли выше. Общага сама тебя к высшей жизни вытаскивает» [2]. Перед читателем открывается пространство, равное жизни, способное вобрать в себя глубинные движения судеб, которые «выжигают» свой след в бытии и обозначают память о месте как память о человеке, который когда-то жил. Поэтому образ общежития – это метафора, охватывающая мир во всей его противоречивой диалектике.

Пространственные координаты общаги можно определить как метафорические: человеческое существование заменяется образом пространства. Метафизическое содержание речей персонажей, построенных как философские диалоги, переводит время в плоскость вечности, в результате чего пространство приобретает доминирующую функцию. Время размыто, так как в повести нет чётких указаний на момент событий – изнутри общаги трудно определить время суток, поскольку из квадрата окна «парадоксальным образом видны одни только облака» [2].

Алексей Иванов создал в повести уникальное восприятие пространства: оно «дышит» тем, что когда-то на нём происходило, пронизано памятью о жизнях, судьбах, частицами давно ушедшей тоски и любви. Пространство, в котором хранится эта память, первично: оно определяет характеры персонажей, определяет возникающий конфликт. Хронотоп «общаги» – это метафора бытия: в этом пространстве сосуществуют не только герои, но и различные культурные ценности и установки. Хронотоп «общаги» основан на экзистенциальном сюжете, выраженном попытками героев преодолеть катастрофу личного бытия, выйти на новый уровень существования, пересотворить собственную жизнь [3].

Таким образом, сопоставительный анализ романа «Тайная история» Донны Тартт и повести «Общага-на-Крови» Алексея Иванова даёт возможность утверждать, что произведения объединяют схожие поэтические приемы, близкая нравственная проблематика, идейное звучание. В дебютных работах американского и российского авторов показано, как университетское образование, жизнь в кампусе/общежитии влияет на формирование личности. Кампус/общежитие становится микромоделью мира, обитатели которого размышляют об экзистенциальных вопросах бытия, ищут свой жизненный и духовный путь, обретают и отвергают авторитеты, умирают и возрождаются.

Библиографический список:

1. Анцыферова, О. Ю. Античный код в университетском романе Донны Тартт «Тайная история» [Электронный ресурс] / О. Ю. Анцыферова // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnyy-kod-v-universitetskom-romane-donny-tartt-taynaya-istoriya>. – Дата доступа: 30.03.2023.
2. Иванов, А. Общага-на-Крови [Электронный ресурс] : роман / А. Иванов // ЛитМир. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/bd/?b=49660>. – Дата доступа: 30.03.2023.

3. Когут, К. С. Повесть А. В. Иванова «Общага-на-Крови»: границы жанра [Электронный ресурс] / К. С. Когут // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/povest-a-v-ivanova-obschaga-na-krovi-granitsy-zhanra>. – Дата доступа: 30.03.2023.

4. Тартт, Д. Тайная история : роман / Д. Тартт ; пер. с англ. Д. Бородкина, Н. Ленцман. – М. : АСТ : CORPUS, 2020. – 592 с

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ВЕЧНОГО ОБРАЗА ПРОМЕТЕЯ В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ» И РОМАНЕ Л. ВОЙНИЧ «ОВОД»

С. Ю. Смоликова

*УО «Белорусский государственный педагогический
университет имени М. Танка», г. Минск*

*Научный руководитель – Е. В. Гранкина,
кандидат филологических наук, доцент*

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика, развитие и трансформация вечного образа Прометея в произведениях последующих за Античностью литературных периодов. Миф о Прометее становится зеркалом, в котором отражается современный мир. Составляющие вечного образа Прометея – готовность к самопожертвованию, деятельность во благо человека – те качества, которые обладают вневременной ценностью и оказываются востребованными в любую эпоху.

Ключевые слова: вечный образ; Прометей; Данко; Овод; самопожертвование.

*...древние люди создали благородный и страдальческий образ Бунтаря
и одарили нас величайшим мифом о мятежном разуме.*

Альбер Камю

Миф как зеркало жизни древнего человека возник много веков назад. Именно он стал тем источником, через который люди выражали своё понимание бытия. Одним из самых известных древнегреческих мифов является миф о Прометее – богоборце-бунтаре, укравшем у Зевса огонь и подарившем его людям. Альбер Камю говорил, что Прометей – это «благородный и страдальческий образ» [4, с. 138]. Действительно, герой обладал благородным сердцем и страдальческой судьбой, о чём говорят фразеологизмы *Прометеев огонь* и *Муки Прометея*. Но образ «бунтаря» вышел за рамки мифа и стал